

НАЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Навасардова Мария Сергеевна,

старший преподаватель кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (г. Москва), кандидат юридических наук, адвокат
7377711@mail.ru

В соответствии с ч. 2 ст. 80 ГПК РФ в определении суда о назначении экспертизы, в частности, указывается, что за дачу заведомо ложного заключения эксперт предупреждается судом или руководителем судебно-экспертного учреждения, если экспертиза проводится специалистом этого учреждения, об ответственности, предусмотренной Уголовным кодексом Российской Федерации.

Помимо этой нормы, процессуальный закон четко прописал, в каком порядке суд должен предупреждать эксперта об уголовной ответственности.

В соответствии со ст. 171 ГПК РФ председательствующий разъясняет эксперту и специалисту их права и обязанности, а также предупреждает эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, о чем у него берется подписка, которая приобщается к протоколу судебного заседания.

К сожалению, судьи судов общей юрисдикции практически повсеместно и на постоянной основе забывают содержание ст. 171 ГПК РФ, указывая лишь в определении о назначении экспертизы о предупреждении эксперта об уголовной ответственности.

Такое явление, как «подписка», которая должна браться у эксперта и приобщаться к протоколу судебного заседания, вообще практически отсутствует в правоприменительной практике судов общей юрисдикции.

В ч. 2 ст. 80 ГПК РФ указывается на возможность предупреждения эксперта об уголовной ответственности руководителем судебно-экспертного учреждения. Однако в данном случае законодатель подразумевает ситуацию, когда суд назначает экспертизу в государственное судебно-экспертное учреждение.

Необходимо отметить, что в настоящее время практика такова, что подавляющее большинство экспертиз судьи назначают в негосударственные экспертные организации. Причины этого явления, к сожалению, не всегда носят правовой характер. На этот случай законодатель и прописал четкую процедуру предупреждения эксперта об

уголовной ответственности в зале судебного заседания путем взятия у него подписки непосредственно судьей.

В определении суда о назначении экспертизы очень редко содержатся сведения о квалификации эксперта. Судьи к этому относятся весьма небрежно.

Несмотря на то, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» обоснованно обращается внимание судей на то, что при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, необходимо тщательно выяснять сведения, которые подтверждают его квалификацию, компетенцию, опыт работы. Это должно стать предметом исследования суда при назначении экспертизы и оценки заключения эксперта.

Аналогичная практика нашла свое отражение в п. 3 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 2006 г. № 66 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе»: «При поручении проведения экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, в определении о назначении экспертизы указываются фамилия, имя, отчество эксперта, сведения о его образовании, специальности, стаже работы и занимаемой должности.

В случае проведения экспертизы в негосударственной экспертной организации судом выясняются перечисленные в первом абзаце настоящего пункта сведения, касающиеся профессиональных данных эксперта, в определении о назначении экспертизы указываются наименование негосударственной экспертной организации, а также фамилия, имя, отчество эксперта».

К сожалению, по гражданским делам отсутствует аналогичное постановление Пленума Верховного Суда РФ, что вызывает некоторое недоумение.

Помимо этого, практика судов общей юрисдикции показывает, что судьи практически никогда не вызывают эксперта при назначении экспертизы.

В соответствии с абз. 2 ч. 2 ст. 79 ГПК РФ у лиц, участвующих в деле, в частности, существует право на отвод эксперта. При сложившихся реалиях лица, участвующие в деле, лишаются право каким-либо образом реализовать данное процессуальное правомочие, поскольку эксперта они в лучшем случае могут увидеть после проведения экспертизы, если кто-либо из лиц, участвующих в деле, будет ходатайствовать о его вызове в суд для дачи пояснений по его заключению, и не раньше.

В связи с устоявшейся практикой непривлечения эксперта в судебное заседание на этапе назначения экспертизы возникают и другие проблемы с соблюдением предусмотренных законом гарантий.

В соответствии с ч. 3 ст. 95 ГПК РФ эксперты получают вознаграждение за выполненную ими по поручению суда работу, если эта работа не входит в круг их служебных обязанностей в качестве работников государственного учреждения. Размер вознаграждения экспертам определяется судом по согласованию со сторонами и по соглашению с экспертами.

Путем простых логических умозаключений можно сделать вывод: без присутствия эксперта на судебном заседании ни с ним, ни со сторонами невозможно согласовать размер его вознаграждения.

Таким образом, получается, что сторона (или стороны) узнают о стоимости проведения экспертизы, за которую они платят, только после того, как материалы дела поступают к эксперту – это в лучшем случае, а в худшем – уже после проведения экспертизы.

При всем вышеизложенном определение о назначении экспертизы законодатель дает возможность обжаловать только в части судебных расходов (ст. 104 ГПК РФ).

С одной стороны, призывать к тому, чтобы определение о назначении экспертизы могло быть обжаловано и в части назначаемого эксперта или экспертной организации (учреждения), и в части поставленных перед экспертом вопросов, возможно, нецелесообразно. Это может привести к злоупотреблению и затягиванию процесса.

С другой стороны, в настоящее время сложилась тотальная порочная практика порядка назначения экспертизы, в ходе которой судьи судов общей юрисдикции грубейшим образом нарушают нормы процессуального закона, которые являются гарантией соблюдения прав и интересов лиц, участвующих в деле. Кроме того, суды апелляционной инстанции также игнорируют подобные нарушения и считают их незначительными.

Как следствие всего вышеизложенного, заключение эксперта в большинстве случаев при рассмотрении гражданских дел становится недостоверным доказательством, поскольку эксперт надлежащим образом не предупрежден об уголовной ответственности, квалификация его вызывает большие сомнения, само заключение представляет собой скопление ошибок, неточностей, опечаток.

В то же время есть категории дел, например, земельные споры, в которых практически в 100% случаях назначается землеустроительная экспертиза, сведения которой для суда являются исключительными, и другой возможности их получить у суда нет.

По нашему мнению, необходимо постановление Пленума Верховного Суда РФ обо всех вопросах, касающихся применения законодательства об экспертизе при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Кроме того, необходим строгий контроль со стороны судов апелляционной инстанции за соблюдением норм процессуального законодательства, касающихся назначения экспертизы.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОКОНЧАНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Никонова Наталия Николаевна,

доцент кафедры гражданского процесса и трудового права Белорусского государственного университета (г. Минск), кандидат юридических наук
toomushchik@mail.ru

Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон) предусматривает четыре формы окончания исполнительного производства: 1) прекращение исполнительного производства (ст. 52), 2) возвращение исполнительного документа взыскателю после возбуждения исполнительного производства (ст. 53), 3) направление исполнительного документа по месту получения должником заработной платы или приравненного к ней дохода (абз.3 ч.1 ст.55), 4) исполнение требований, содержащихся в исполнительном документе (абз. 2 ч. 1 ст. 55).

Прекращение исполнительного производства – форма окончания исполнительного производства, применяемая в том случае, если у взыскателя на момент возбуждения отсутствовало субъективное право, подлежащее защите, или это право перестало существовать в ходе исполнительного производства. Отсутствие субъективного права определяет и отсутствие права на принудительное исполнение.

Положительно оцениваем основания, закрепленные в абз. 10 и 11 ч. 1 ст. 52 Закона. С точки зрения материального права данные основания закрепляют прощение государством долга (ст. 385 ГК), с точки зрения процессуального – могут рассматриваться как частный случай отказа от исполнения исполнительного документа (отказа от взыскания).

Положения о сущности исполнительного производства не соблюдаются при 1) объявлении гражданина безвестно отсутствующим, если его права и обязанности не могут быть реализованы доверительным управляющим (абз. 5 ст. 52 Закона), 2) предоставлении должнику рассрочки судом (абз. 8 ст. 52 Закона). Теоретически пра-